

• Встречи для вас

ПО ВЕЛЕНИЮ ДУШИ

Наш гость — народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и Казахской ССР известный актер театра и кино Асанали АШИМОВ.

— Уверена, Асанали Ашимович, вас не надо представлять: с одной стороны — кино, с другой — театр, в целом же — постоянное пребывание в глазах сотен, тысяч зрителей.

— В этом вы действительно правы. Сам себе актер принадлежит крайне редко, что в полной мере отношу и к себе: сцена, экран — единственный способ моего актерского, человеческого самовыражения. Да, труд наш нелегкий, но несмотря на постоянную занятость, хроническую нехватку жизненного времени я не жалею об избранном в юности пути.

— Кое-что, Асанали Ашимович, о том, как вы пришли в искусство, читателям известно. Но, вот совсем недавно друзья и коллеги по кино вспоминали о вашем забавном кинодебюте. Он действительно имел место в вашей творческой биографии?

— Если вы имеете в виду фильм «Ботагоз», то — да. Вообразите юношу, почти мальчишку, студента актерского факультета, тогда еще Алма-Атинской государственной консерватории, которого пригласили на съемку эпизодической роли Кенжетая в фильме «Ботагоз». Так вот, этим счастливецом был я. А теперь представьте такой эпизод. «Раненый», окутанный бинтами, ожидаю в горизонтальном положении своей «кинематографиче с к о й участи». Внешне спокоен — ведь все идет будто по порядку: меня «приготовили» для съемок, режиссер преду-

и это несмотря на официальный вызов киностудии. Увы, но диплом в связи с этим печальным фактом пришлось защищать позже своих сверстников. Словом, кино поначалу принесило одни огорчения.

— Но именно с него вы и начали свой творческий путь.

— Да, сниматься стал во второй половине пятидесятых годов, и лишь в 1964 году был зачислен в штат Казахского академического театра драмы, первое свидание с которым всегда живет во мне. Словно завороченный, смотрел я тогда на сцену, где чудодействовали настоящие актеры. Время первого действия пролетело незаметно, и я не помню теперь, как очутился в залитом светом фойе, в котором прямо на меня в окружении незнакомых людей шел сам Мухтар Омарханович Ауэзов. Он был в белом кителе, огромного, как мне показалось тогда, роста (что значит сила таланта!). Мухтар Ауэзов, увлеченно беседуя, прошел мимо — со мной же творилось что-то невнятное. Словно загипнотизированный, двинулся я по фойе вслед за писателем, сопровождающими его людьми.

Разве мог в ту минуту, в те годы ничего не видевший на свете мальчишка из Джамбула мечтать об академической сцене, об игре в спектаклях по пьесам классика казахской советской литературы Мухтара Ауэзова? Но это счастливое время пришло. Оно было действительно счастливым для меня, потому что подарило радость общения с корифеями национального искусства — Куанышбаевым, Умуразаковым, Кожамкуловым, Койшибаевой, Майкановой и, конечно, Шакеном Аймаиновым. Мне довелось видеть Куанышбаева в роли Абая Кунанбаева. Шло время, и вот уже по воле судьбы Кожамкулов последний раз сыграл в родном театре Землянику в «Ревизоре» Гоголя, спектакле, который ставил я.

Не правда ли, симптоматично — учитель играет в спектакле своего ученика... Мне и сейчас видится в этом объяснимая закономерность, основанная на лучших сценических традициях ауэзовцев, у истоков которых стояло поколение Кожамкулова. Говоря сейчас о нем, я отдаю дань памяти всем основателям театра. На всю жизнь в сознании запечатлелась способность Сер-ага готовиться к выходу на сцену. Ни в те времена, ни сейчас этого никто не проделывал более тщательно. За тридцать минут до выхода (даже если роль была эпизодической), он

сосредоточенно погружался в предстоящий образ. Сколько мыслей, чувств можно было прочесть в эти минуты на лице старого актера!

«Сер-ага, неужели волнуетесь даже перед спектаклем «Енлик—Кебек»? Ведь вы полсотни лет заняты в нем?» — спросил я как-то своего учителя. Помню, как пристально, внимательно он посмотрел тогда на меня: дескать, «молодо-зелено!» Вот уж действительно, кто был хозяином на сцене, истинным властелином зрительских чувств! Зал смеялся, плакал, погружался в сосредоточение — и этим душевным даром щедро награждал талант Сер-ага.

— Театр и кино, или кино и театр. Какое из этих словосочетаний, Асанали Ашимович, вы больше предпочитаете?

— Их нельзя делить или противопоставлять друг другу. Я бы ответил на это так: без кино я бы не состоялся как драматический актер и — наоборот. Хотя сколько в том и другом виде искусства диаметрально противоположного (я имею в виду под этим рабочие характеристики!) Но даже сопрягаясь в главных своих задачах, театр и кино остаются жанрами специфическими, имеющими каждый своего зрителя.

Этапными для меня в кинематографе стали фильмы «Кыз-Жибек», «Конец атамана», «Транссибирский экспресс», «Гонец» и режиссура фильма «Год дракона».

В театре же (здесь сыграны десятки ролей) очень трудно выделить что-то одно. Интересно, творчески памятного было немало, среди которого, например, образ поэта Асана в спектакле «На чужбине» Калтая Мухамеджанова. Именно это драматургическое произведение заставило меня как-то по-особенному глубоко и серьезно задуматься о высокой миссии актера.

— Асанали Ашимович, вы прекрасно владеете искусством верховой езды и, более того, мастерски проделываете конные трюковые номера. Что еще в фильмах вам приходится играть без каскадеров?

— Поверьте, с меня достаточно и этого. Каким нелегким, например, был один из эпизодов в фильме «Кыз-Жибек», когда я на лошади «перелетел» через лошадиную, в которой находился дру-

гой актер, всадник Тулеген. Или трюки падения с лошади — их я также играл без дублера.

Не легче снимался и фильм «Транссибирский экспресс»: невероятная жара, смена рубах почти при каждом дубле, съемка на малом пятачке вагонного купе (если работали в нем) говорят за себя. Представляете условия труда оператора? Снимать так, чтобы самого не было видно в зеркале купе. О режиссере фильма Эльдаре Уразбаеве говорить вообще не приходится: он подавал команду только с той стороны двери. Но «Транссибирский экспресс», говорят, смотрится «на одном дыхании», в чем и состоит парадокс нашего дела: чем легче воспринимается фильм, тем труднее над ним работало и — наоборот.

— О «Транссибирском экспрессе» в свое время писалось немало, думаете ли вы продолжить работу в жанре приключенческого кино?

— Думаю, причем над этим же образом чекиста Чадиярова. Дело за сценарием. Хочется играть в кино интересно и много, но лишь на основе добротных материалов. Пока, если говорить откровенно, что-то оторвать для себя из всего ныне существующего не могу. Играть же для того, чтобы играть, — не для меня. С другой стороны, время не ждет, оно неумолимо идет вперед. Вот уж и мой сын Сага, выпускник Алма-Атинского театрально-художественного института, стал профессиональным актером. Сейчас он снимается в фильме «Легендарный Чокан» (в моей режиссуре).

Работа интересная, увлекательная, вся съемочная группа одержима одним желанием: отдать гражданственный, художественный долг памяти, уважения и любви великому сыну казахского народа Чокану Валиханову. Вот пока все, что могу рассказать о своем творчестве.

В. МАРЧЕНКО.

НА СНИМКЕ: народный артист СССР Асанали АШИМОВ.

Фото В. Ваколкина.